Научная статья

УДК 81'44

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант

Алексей Дмитриевич Палкин

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

p-alexis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Аннотация

Данная статья приурочена к 175-й годовщине со дня рождения известного русского лингвиста Филиппа Федоровича Фортунатова. Рассматриваются основные направления его научной деятельности. Показано, что в ряде вопросов ученый внес значительный вклад в лингвистическую науку своего времени. Работая в русле сравнительно-исторического языкознания, Ф. Ф. Фортунатов активно занимался изучением балто-славянских языков. Размышляя над социологической стороной языка, он предвосхитил появление психолингвистики. При этом ученый брал лучшее из положений популярного на то время движения младограмматиков и немецкой психологической школы. В процессе анализа звуковой стороны слова Ф. Ф. Фортунатов также использует рассуждения, которые сейчас назвали бы психолингвистическими. Нельзя не отметить его вклад в развитие синтаксической теории и педагогической мысли. Несомненной заслугой Филиппа Федоровича является формирование под его началом Московской лингвистической школы, которая воспитала целую плеяду талантливых ученых. Подчеркивается, что разработанная Ф. Ф. Фортунатовым морфологическая классификация языков мира наиболее точна даже по меркам современной типологии. Эта классификация была разработана задолго до того, как лингвисты XX в. пришли к аналогичным построениям. К сожалению, это его достижение отечественные лингвисты, и тем более западные, по достоинству не оценили. В российских учебниках по типологии предпочтение отдается морфологической классификации В. фон Гумбольдта, несмотря на то, что, как показано в данной статье, классификация Фортунатова полнее и точнее отражает типологическое разнообразие языков мира. В то время как В. фон Гумбольдт выделял четыре типа языков, Ф. Ф. Фортунатов различал пять, которые (за небольшими терминологическими разночтениями) соответствуют пяти типам, выделенным в типологии XX в., в частности, В. Скаличкой. Все это позволяет говорить о явной недооцененности этого и ряда других лингвистических открытий Фортунатова современной наукой и педагогикой.

Ключевые слова

Ф. Ф. Фортунатов, лингвистика, морфологическая классификация, слово, язык

Для цитирования

Палкин А. Д. Филипп Федорович Фортунатов – недооцененный талант // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 5–16. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Filipp Fortunatov: An Underestimated Talent

Alexei D. Palkin

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

p-alexis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9865-1693>

Abstract

This article marks the 175 anniversary of the famous Russian linguist Filipp Fortunatov and looks at his major findings. It is pointed out that in certain respects the scholar has contributed a lot to the linguistic science of his time. While working in the sphere of comparative linguistics, F. Fortunatov was actively involved in the studies of the Baltic-Slavic languages. In his contemplation of the sociological aspect of language, he forestalled the appearance of psycholinguistics. Concurrently, the scholar based his judgments on the then popular neogrammarian movement and the German psychological school. While analyzing the phonic aspect of the word, F. Fortunatov also used the provisions that would nowadays be deemed psycholinguistic. His contribution to the development of the theory of syntax and pedagogical ideas is undeniable, too. F. Fortunatov obviously deserves credit for having founded the Moscow linguistic school that fostered a constellation of talented scholars. Moreover, F. Fortunatov's morphological classification of world languages is recognized as a most accurate one by modern typology. This classification was elaborated long before the linguists of the 20th century came to similar findings. The above mentioned achievements by F. Fortunatov seem to be misappreciated by Russian linguists let alone the Western ones. Russian textbooks of typology favor the morphological classification put forward by W. von Humboldt, although, as it is argued in the article, F. Fortunatov's classification presents typological diversity of world languages more profoundly and precisely. If W. von Humboldt distinguished four language types, F. Fortunatov did five. His classification, except for minor terminological differences, overlaps with the five world language types singled out by scholars in the 20th century, in particular by V. Skalička. All this goes to say that the breakthrough in world language typology made by F. Fortunatov has really been misappreciated by modern linguistics and pedagogy.

Keywords

Filipp Fortunatov, linguistics, morphological classification, word, language

For citation

Palkin A. D. Filipp Fortunatov: An Underestimated Talent. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 5–16. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-5-16

Введение

В январе 2023 года исполнилось 175 лет со дня рождения выдающегося российского лингвиста Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914). Несмотря на то, что дань творчеству Ф. Ф. Фортунатова в России отдается до сих пор (с 2018 г. Петрозаводский государственный университет начал проводить конференцию «Фортунатовские чтения»), сохраняются противоречия в трактовке выдвинутых ученым положений. В данной статье мы разберем эти противоречия и по возможности элиминируем их.

Вначале мы выделим основные направления работы ученого. О них уже говорилось в обзорных статьях А. А. Шахматова [1914] и Л. В. Щербы [1963], однако выбранный формат обязывает перечислить ключевые моменты. Основное внимание будет уделено разработанной Ф. Ф. Фортунатовым морфологической классификации языков мира, так как, по нашему убеждению, это наиболее знаковый и наиболее недооцененный пласт творчества ученого.

Прежде всего приведем цитату из упомянутой работы Л. В. Щербы, где он очень точно и емко характеризует Ф. Ф. Фортунатова и его творческий путь: «Филипп Федорович был гениальным лингвистом своего времени, и только какие-то внешние обстоятельства помешали ему сделаться одним из вождей мировой науки о языке» [Там же, с. 93]. В этой цитате чувствуется, что статья написана в советскую эпоху: характерные штампы видны в каждой строчке. Между тем по сути все сказано абсолютно верно: Ф. Ф. Фортунатов не стал ведущим лингвистом своего времени в связи с неудачным стечением обстоятельств, хотя, несомненно, этого заслуживал.

Ко всемирной славе ученый не стремился, но уже то, что опубликовано, позволяет говорить о Ф. Ф. Фортунатове как об одном из наиболее прогрессивных лингвистов своего времени. Мы преследуем цель показать, что ученому удалось не только сформулировать важные положения современной ему лингвистики, но и отчасти предвосхитить развитие лингвистической мысли.

Основные научные интересы Ф. Ф. Фортунатова

Лейтмотивом всей научной деятельности Ф. Ф. Фортунатова является создание и развитие Московской лингвистической школы. Именно под его руководством был разработан ряд важных лингвистических концепций, получивших развитие в трудах его учеников и последователей, в частности, Б. М. Ляпунова [1946], А. М. Пешковского [1938], В. К. Поржезинского [1912], А. И. Томсона [1903], Д. Н. Ушакова [1923], А. А. Шахматова [1941] и других. Одной из ключевых идей стало понимание формы слова как совокупности соотношений, сложившихся в данном языке в данную эпоху [Фортунатов, 1956, с. 137]. Это привело ученого к пониманию целесообразности выделения внешней и внутренней форм слова. Действительно, говоря о Ф. Ф. Фортунатове, нельзя обойти стороной проблематику грамматической формы слова. Именно Ф. Ф. Фортунатов дал отечественному языкознанию тот толчок, который привел к появлению современного понимания морфологических отношений внутри слова и грамматических отношений в словосочетаниях. В его трудах и работах его учеников были описаны формальные критерии выделения различных частей речи. Эти критерии несколько видоизменились к настоящему времени, но базовые понятия были заложены именно представителями Московской лингвистической школы в конце XIX в. Особенно значимой представляется идея о том, что основа слова наделяет это слово значением, получившим название «реальное значение», а аффиксы передают «формальное значение», способное так или иначе видоизменять слово [Там же, с. 138].

Работая в русле обретшего к концу XIX в. популярность младограмматического направления, Ф. Ф. Фортунатов внес весомый вклад в изучение индоевропейских языков. В ходе своих сравнительно-исторических исследований ученый делал акцент на изучении истории языков, стремясь показать их эволюцию от древнего праязыка до нынешнего состояния. Пристальное внимание было обращено на фонетику и акцентологию балто-славянских языков. В результате были описаны древнеиндийские ретрофлексные звуки, процесс возникновения которых получил название закона Фортунатова – де Соссюра. Последний независимо от российского ученого пришел к аналогичным выводам. В западных странах в связи с этим иногда говорят просто о «законе де Соссюра», но немало исследователей упоминают и полную версию названия: “Fortunatov – de Saussure law”, “loi de Saussure – Fortunatov” (например, [Fici, 2022, p. 236; Urbanavičienė, 2014]). Рассуждая о причинах языковых изменений, Ф. Ф. Фортунатов подчеркивал психологический аспект, солидаризируясь с младограмматиками в том, что изменения звуковой стороны слов происходят под влиянием аналогии; при этом ученый не исключал и влияние внутриязыковых закономерностей, или фонетических законов [Фортунатов, 1956, с. 95–196].

Ф. Ф. Фортунатов одним из первых сформулировал мысль о том, что история языка теснейшим образом связана с историей носителей этого языка. Вот одна из самых известных его цитат: «Каждый язык принадлежит известному обществу, известному общественному союзу, т. е. каждый язык принадлежит людям как членам того или другого общества» [Там же, с. 24]. Здесь речь идет о так называемой *внешней истории языка*. Вместе с тем индивидуально-психологическими особенностями каждого отдельно взятого носителя того или иного языка формируется *внутренняя история языка*. Эта очевидная в XXI в. для любого студента-филолога идея для конца XIX в. была настоящим прорывом. Здесь Ф. Ф. Фортунатов показал себя как независимый ученый, отошедший от индивидуально-психологических концепций младограмма-

тиков. В этом плане его идеи созвучны скорее позиции В. фон Гумбольдта, рассматривавшего язык как деятельность, чем К. Бругмана или Б. Дельбрюка [Богданова, 2022, с. 84].

Нетривиальными представляются взгляды Ф. Ф. Фортунатова на синтаксический строй языка. Он предлагает различать «грамматические» и «неграмматические» синтаксические единицы. Эта идея была подхвачена его последователями, но к настоящему моменту утратила популярность, и это вторая причина, позволяющая нам говорить о том, что талант Ф. Ф. Фортунатова был недооценен. Если бы идея о разграничении «грамматических» и «неграмматических» единиц обрела более широкое признание, то, возможно, до сих пор в школьных и вузовских учебниках присутствовала бы эта теория. Ф. Ф. Фортунатов рассматривал словосочетание как основной объект синтаксического анализа, тогда как предложение выступало в качестве разновидности словосочетания. Современный подход, напомним, наделяет предложение критерием законченности высказывания, чего лишено словосочетание. У Ф. Ф. Фортунатова иная терминология: предложение он называет грамматическим словосочетанием, а собственно словосочетание относит к неграмматическому пласту языка. Такой подход альтернативен современному, но при этом нельзя утверждать, что он в чем-то хуже общепринятого. Однако развитие лингвистической терминологии шло так, как оно шло, а концепция Ф. Ф. Фортунатова стала частью истории.

Ф. Ф. Фортунатов как предвестник появления психолингвистики

Не остались уделом истории положения ученого, предвосхитившие появление психолингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Действительно, разработка проблемы языка как средства общения – это сугубо психолингвистический вопрос. Хотя во времена Ф. Ф. Фортунатова такой дисциплины не существовало, ученый задумывался над природой взаимосвязи языка и мышления. В исследовании этой проблемы Фортунатов опирался на идеи, сформулированные в русле ассоциативной психологии И. Ф. Гербарта [2007; Herbart, 1839], а также на труды Г. Штейнталя [Steinthal, 1864]. Терминология, используемая Ф. Ф. Фортунатовым, характерна для психологии конца XIX в., что между тем не лишает его рассуждения значимости. В частности, «духовные явления» интерпретируются как «представления». Под «представлением» Ф. Ф. Фортунатов понимает след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует вызвавшая ощущение причина, и который впоследствии может воспроизводиться в соответствии с законом психической ассоциации. Согласно этому закону, существует связь как между слуховыми ощущениями звуков речи, так и между теми движениями, которые производят эти звуки. Ассоциации представлений возникают по смежности либо по сходству. Согласно убеждению ученого, данный закон распространяется также на сочетание наших духовных явлений и наших движений, причем такое соединение приводит к тому, что некоторое духовное явление в состоянии спровоцировать соответствующее движение и наоборот [Фортунатов, 1956, с. 111–115]. Эти мысли перекликаются со взглядами И. Ф. Гербарта, который отмечал, что ассоциация представлений производит так называемые опосредованные воспроизведения, которые не ограничиваются неким однородным представлением, но распространяются на более или менее однородные за счет освобождения при помощи нового восприятия [Гербарт, 2007, с. 137–138].

Условно говоря, Ф. Ф. Фортунатов рассматривает с психолингвистической позиции и значение звуковой стороны слова. Как отмечает ученый, когда человек слышит речь, в его сознании, пусть и в слабой форме, воспроизводятся слуховые и мускульные ощущения, которые являются физической и физиологической основой языка, с одной стороны, и неотъемлемым компонентом чувствований, представлений и мыслей – с другой. Представления звуковой стороны слов состоят «в воспроизведении мускульных и слуховых ощущений звуков речи» [Фортунатов, 1956, с. 115–116]. Здесь ученый вплотную приближается к проблеме релятивизма в языке, то есть концепции того, что язык определяет когнитивные процессы в созна-

нии человека. Спор номиналистов и релятивистов активно разгорелся уже в середине XX в., но Ф. Ф. Фортунатов обозначил приближение к этой глобальной дискуссии. Также российский ученый, по сути, сформулировал гипотезу лингвистической относительности. Вот что он писал: «При посредстве слов мы думаем и о том, что без тех или других знаков не могло бы быть представлено в нашем мышлении, и точно так же при посредстве слов мы получаем возможность думать так, как не могли бы думать при отсутствии знаков для мышления по отношению именно к обобщению и отвлечению предметов мысли. Знаки языка для мысли становятся в процессе речи знаками для выражения мысли или ее части, именно – непосредственно знаками для выражения мысли или ее части, в состав которой входят представления произносимых слов» [Там же, с. 120]. Здесь выпукло представлено влияние языка на мышление. Если бы воззрения Ф. Ф. Фортунатова своевременно достигли информационного пространства западной науки, задающей тон становления терминов, и, соответственно, получили бы большее распространение, то, вполне вероятно, гипотеза лингвистической относительности сейчас носила бы имена Ф. Ф. Фортунатова и Б. Л. Уорфа, а не Э. Сепира и Б. Л. Уорфа.

Педагогические воззрения Ф. Ф. Фортунатова также «психолингвистичны». В частности, в лекции, которую он читал на съезде преподавателей русского языка, ученый обратил внимание на то, что «педагогическая цель теоретического изучения грамматики иностранного языка в средней школе, однородная в известной степени с педагогической целью изучения математики, состоит в развитии, путем упражнения, мыслительных способностей учащихся, т. е. в приобретении ими навыка правильно думать и индуктивным, и дедуктивным способом» [Фортунатов, 1957, с. 433]. Здесь Ф. Ф. Фортунатов формулирует хорошо известный ныне тезис о пользе изучения иностранного языка в том смысле, что изучающий новый язык получает возможность взглянуть на мир с новой позиции – позиции иностранного языка, в результате чего расширяются его когнитивные и творческие способности. В то же время «основная задача преподавания грамматики родного языка в средней школе... состоит в том, чтобы вызвать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят, а это сознательное отношение учащихся к фактам родного языка является важным и по тем сведениям, которые оно дает, и по тому значению, которое оно имеет для развития умственных способностей учащихся» [Там же, с. 436]. В приведенных цитатах также прослеживается важный для психолингвистики тезис о взаимосвязи языка и мышления. Подчеркнем, что тогда как для современного ученого этот факт очевиден, для XIX в. и даже для начала XX в. подобные идеи шли в авангарде развития гуманитарной мысли.

Морфологическая классификация языков мира – недооцененный вклад Ф. Ф. Фортунатова в типологическую теорию

Перейдем к тому разделу творчества Ф. Ф. Фортунатова, который остался катастрофически недооцененным. Речь идет о морфологической, или типологической, классификации языков мира, предложенной ученым. Одним из наиболее известных описаний типологической системы Ф. Ф. Фортунатова является работа А. А. Реформатского [2006]. Последний цитирует очерк «Морфологическая классификация языков», приходя к выводу о том, что Ф. Ф. Фортунатов предложил различать четыре типа языков.

Действительно, в начале «Морфологической классификации языков» говорится именно об этом. Ф. Ф. Фортунатов аргументированно выделяет следующие типы:

1. «В значительном большинстве семейства языков, имеющих формы отдельных слов, эти формы образуются при посредстве такого выделения в словах основы и аффикса, при котором основа или вовсе не представляет так называемой флексии, или если такая флексия и может являться в основах, то она не составляет необходимой принадлежности форм слов и служит для образования форм, отдельных от тех, какие образуются аффиксами. Такие языки в морфологической классификации называют... *агглютинирующие* или *агглютинативные* языки... т. е.

собственно склеивающие... потому, что здесь основа и аффикс слов остаются по их значению отдельными частями слов в формах слов, как бы склеенными».

2. «К другому классу в морфологической классификации языков принадлежат семитские языки; в этих языках... основы слов сами имеют необходимые... формы, образуемые флексией основ, т. е. видоизменением части звуковой стороны, хотя отношение между основой и аффиксом в семитских языках такое же, как и в языках агглютинативных... Я называю семитские языки *флективно-агглютинативными*... потому, что отношение между основой и аффиксом в этих языках такое же, как в языках агглютинирующих».

3. «К... третьему классу в морфологической классификации языков принадлежат языки индоевропейские; здесь... существует флексия основ при образовании тех самых форм слов, которые образуются аффиксами, вследствие чего части слов в формах слов, т. е. основа и аффикс, представляют здесь по значению такую связь между собою в формах слов, какой они не имеют ни в языках агглютинативных, ни в языках флективно-агглютинативных. Вот для этих-то языков я и удерживаю название *флективные языки*...»

4. «Наконец, есть такие языки, в которых не существует форм слов, образуемых аффиксами, и в которых вообще не существует отдельных слов. К таким языкам принадлежат языки китайский, сиамский и некоторые другие. Эти языки в морфологической классификации называются языками *корневыми*... Значит, в корневых языках так называемый корень является не частью слова, а самим словом, которое может быть не только простым, но и непростым (сложным)» [Фортунатов, 1956, с. 153–154].

А. А. Реформатский приходит к следующему выводу: «В этой классификации нет инкорпорирующих языков, нет грузинского, гренландского, малайско-полинезийских языков, что, конечно, лишает классификацию полноты, но зато очень тонко показано различие образования слов в семитских и индоевропейских языках, что до последнего времени не различалось лингвистами» [2006, с. 451].

При всем уважении к авторитету А. А. Реформатского следует констатировать: ученый не дочитал работу до конца. В противном случае его оценка классификации Ф. Ф. Фортунатова изменилась бы на противоположную. В самом конце «Морфологической классификации языков» приводится пятая группа языков – *полисинтетические*. Этот термин до сих пор используется как синоним термину «инкорпорирующие».

Ситуация осложняется тем, что в настоящее время этот неверный вывод А. А. Реформатского активно цитируется в Интернете на большом количестве сайтов для студентов-филологов (причем, как правило, без ссылки на самого А. А. Реформатского, что является обычной практикой на таких сайтах), где вкратце излагаются идеи различных видных лингвистов. Очевидно, что многим студентам проще прочесть краткое содержание, чем изучать первоисточники. Справедливости ради следует заметить, что некоторые такие сайты излагают верную картину, однако у не очень старательного студента вероятность встретиться с ошибочным мнением А. А. Реформатского достаточно велика.

Чтобы не быть голословными, приведем цитату из работы Ф. Ф. Фортунатова, где разъясняются особенности полисинтетических языков на примере языков американских индейцев:

«Теперь... я должен указать на такие соединения отдельных слов, которые занимают промежуточное место между словами и словосочетаниями...¹ Такие соединения слов чужды русскому языку и другим индоевропейским языкам, точно так же они неизвестны и в большинстве языков неиндоевропейских, но они существуют в различных американских языках и составляют характерный признак этих языков, являющийся в различных, может быть, неродственных между собою семействах этих языков...² Слова-словосочетания американских

¹ Подобные соединения получают у Ф. Ф. Фортунатова название «слова-словосочетания». Напомним, что предложение ученый рассматривал как разновидность словосочетания.

² Обратим внимание, что свои типологические рассуждения Ф. Ф. Фортунатов строит, проводя параллели со сравнительно-историческим языкознанием.

языков заключают в правой части соединения (которая сама по себе может быть сложной) основы отдельных полных слов без всех тех аффиксов, какие присоединяются к этим основам в отдельных словах, имеющих форму словообразования, так что американские слова-словосочетания отличаются от грамматически-сложных слов и по самому их образованию. Вместе с тем они резко отличаются от грамматически-сложных слов и по значению, принадлежащему форме слов-словосочетаний: в грамматически-сложных словах основы соединяются в одной сложной основе без всякого отношения к предложениям, между тем как в американских словах-словосочетаниях основы слов в первой части такого образования соединяются с основами таких слов, которые являются частями в предложениях. Таким образом, слово-словосочетание не есть отдельное слово, так как оно заключается в себе соединении слов в предложении, но вместе с тем оно не образует и словосочетания по тому самому, что первая часть слова-словосочетания заключает в себе не отдельные цельные слова, но лишь части отдельных слов, их основы» [Фортунатов, 1956, с. 180]. Перед нами качественное описание явления инкорпорации. И уже в самой последней строчке своей работы «Морфологическая классификация языков» Ф. Ф. Фортунатов прибегает к термину «полисинтетические языки» [Там же, с. 181].

Итак, мы видим, что Ф. Ф. Фортунатовым еще в конце XIX в. были успешно описаны все ныне известные типы языков мира с точки зрения типологической классификации по морфологическим признакам. Типологическая классификация Ф. Ф. Фортунатова «очень логичная» [Реформатский, 1956, с. 450], и при этом никак нельзя сказать, что она «недостаточная» [Там же]. Итак, мы установили, что классификация языков мира по Ф. Ф. Фортунатову состоит из пяти типов.

Морфологическая классификация языков мира по Ф. Ф. Фортунатову и В. фон Гумбольдту: сопоставление

После этого возникает вопрос: какая типологическая классификация языков мира подается в большинстве учебников как образцовая? Как правило, таковой является классификация В. фон Гумбольдта. Весьма комплиментарно о ней отзывается тот же Реформатский [Там же, с. 445], а также А. Я. Шайкевич [2005, с. 133] и А. А. Гируцкий [2003, с. 266] (при этом ни слова не говоря о классификации Ф. Ф. Фортунатова). В. Н. Немченко [2008, с. 611–613] и Т. И. Вендина [2001, с. 262–268] вообще приводят морфологическую классификацию языков из четырех типов как единственно возможную, не ссылаясь ни на В. фон Гумбольдта, ни на Ф. Ф. Фортунатова. Мы вынуждены согласиться с тем, что «и по сей день наиболее признанной остается типологическая классификация, выделяющая четыре морфологических типа языков: флективные, агглютинативные, аморфные и инкорпорирующие» [Чарыкова, Стернин, 2016, с. 125]. Речь идет, по сути, о классификации, предложенной В. фон Гумбольдтом [Humboldt, 1836]. Да, авторитет немецкого ученого действительно огромен, и заслуженно. Посмотрим, однако, действительно ли его классификация настолько хороша.

Заслуга В. фон Гумбольдта заключается в том, что он предложил четвертый тип в дополнение к трем ранее выделенным другими исследователями. В то время как братья Шлегели различали аффлектирующий, флективный и аморфный типы [Алпатов, 2005, с. 58], В. фон Гумбольдт обосновал необходимость выделения также инкорпорирующего типа языков. Как правило, когда говорят о типологической классификации языков мира, ссылаются на классификацию В. фон Гумбольдта как значимую и с исторической, и с практической точек зрения.

Что касается собственно классификации, предложенной В. фон Гумбольдтом, то ряд ученых XX в. остро чувствовали ее неполноценность. Дело в том, что в нее не вписывались, в частности, языки семито-хамитской группы. В итоге в середине XX в. чешский исследователь В. Скаличка предложил дополнить эту классификацию пятым типом – *интрофлексивным*, где морфология определяется фонологическим аспектом, то есть «в качестве морфологических элементов выступают отдельные фонемы» [Скаличка, 1989, с. 29]. Подробно об этих

пяти типах можно прочесть в другой его работе [Скаличка, 1966, с. 28–30], где ученый, помимо всего прочего, приводит, по нашему мнению, весьма удачное толкование термина «тип языка»: «Мы исходим из того, что явления в языке находятся в определенных отношениях друг к другу. Существуют, например, благоприятствующие друг другу явления... Иначе говоря, в таких случаях на основании одного явления можно предсказать наличие какого-нибудь другого явления. Если в языке существует явление *A*, то мы предполагаем, что будет и явление *B*. Таким образом, например, если в языке есть согласование, то можно предположить, что будет иметься также свободный порядок слов. Если, наоборот, есть свободный порядок слов, то можно предположить, что появится и согласование. Совокупность таких благоприятствующих друг другу явлений мы называем типом» [Там же, с. 27]. Другой важной мыслью В. Скалички стал тезис о том, что в одном языке могут присутствовать черты разных типов, и мы атрибутируем некоторый язык к конкретному типу, принимая во внимание, черты какого именно типа преобладают в данном языке.

Из сказанного следует, что наиболее удачной типологической классификацией языков, выполненной по морфологическим признакам, является классификация, состоящая из пяти типов, а именно: аффиксирующего, флективного, аморфного, инкорпорирующего и интрофлективного. Эта классификация вызрела на протяжении примерно века. Начавшись с идеи братьев Шлегелей, она была подхвачена В. фон Гумбольдтом, но до совершенства была доведена только в середине XX в. во многом благодаря В. Скаличке.

Теперь вспомним классификацию, предложенную Ф. Ф. Фортунатовым. Термины в ней частично отличаются, но она так же состоит из пяти типов и описывает ровно те же языки. Напомним, что ученый выделяет такие типы, как: флективный (как и в современной терминологии), агглютинативный (как и в современной терминологии), корневой (в современной терминологии «изолирующий»), агглютинативно-флективный (в современной терминологии «интрофлективный»), полисинтетический (в современной терминологии «инкорпорирующий»). Если говорить о конкретных языках, то к флективным относятся большинство индоевропейских языков: итальянский, немецкий, исландский и пр.; к агглютинативным – турецкий, финский, японский и пр.; к изолирующим – китайский, вьетнамский, бирманский и пр.; к инкорпорирующим – языки американских индейцев, австралийских туземцев, айнский и пр.; к интрофлективным – семитские языки (арабский, мальтийский, иврит и пр.). Мы видим, что еще в конце XIX в. и задолго до появления работ В. Скалички Ф. Ф. Фортунатов разработал морфологическую классификацию, которая целиком и полностью отвечает современным взглядам на языковые типы.

Морфологическая классификация языков мира: парадоксы истории

Зададимся вопросом о том, по какой причине классификация из пяти типов точнее, чем классификация из четырех типов (напомним, многие современные ученые и историки языкознания пользуются именно последней классификацией). Как ни парадоксально, классификация из четырех типов – это во многом дань традиции. Авторитет В. фон Гумбольдта столь силен, что далеко не каждый ученый готов поставить под сомнение его постулаты. Однако вся морфологическая классификация В. фон Гумбольдта рухнет из-за семитских языков. Согласно его классификации, семитские языки относятся к флективным, из-за чего кажется, что никакого противоречия нет. Однако фактически между семитскими и другими флективными языками существуют различия, которые нельзя назвать незначительными. Весьма удачный анализ в этой связи провел тот же В. Скаличка. Его сопоставительный обзор ключевых особенностей флективных и интрофлективных языков [Скаличка, 1966, с. 29–30] суммируем в таблице ниже.

Сопоставление флективных и интрофлективных языков по В. Скаличке

Juxtaposition of Inflectional and Introflective Languages According to V. Skalička

Флективные языки	Интрофлективные языки
Слабое противопоставление корневых и служебных элементов	Сильное противопоставление корневых и служебных элементов
Четко выраженное противопоставление словообразовательных элементов и окончаний	Слабое противопоставление словообразовательных элементов и окончаний
Сильное противопоставление частей речи	
Наличие формальных слов	Небольшое количество формальных слов
Сильно развитое согласование.	
Свободный порядок слов	
Ограниченное количество словообразовательных элементов	Словообразовательные средства вставляются внутрь корневой морфемы
Малочисленность сложных слов.	Небольшое количество сложных слов
Сильно развитая синонимия грамматических элементов	Грамматические элементы вставляются в середину корневой морфемы
Появление грамматического рода или классов существительных	
Ясно выраженная категория слова	
Ясно выраженная категория предложения.	
Порядок следования синтаксических единиц в предложении: подлежащее – сказуемое – дополнение	
Развитость подчиненных предложений	
Большое количество гласных фонем	Разбитие морфемы путем вставки внутрь морфемы фонемы или фонем, посредством чего передается иное значение, чем значение данной морфемы

Нетрудно заметить, что флективные и интрофлективные языки не просто отличны друг от друга, но по своей структуре находятся на двух разных полюсах. Следовательно, относить их к одному языковому типу неверно. Все это требует выделения пяти типов в морфологической классификации языков мира. Об этом пишет В. Скаличка, об этом же писал и Ф. Ф. Фортунатов, когда Пражского лингвистического кружка (ярким представителем которого являлся В. Скаличка) не было даже в проекте.

Заключение

Работы Ф. Ф. Фортунатова не получили особого распространения за рубежом. Однако и в России об ученом не говорят как о первом, кто предложил оптимальную морфологическую классификацию языков мира. Даже в отечественных учебниках в разделах о типологии языков мира его имя, как правило, упоминается наряду со многими другими, а что касается типологической классификации языков мира, то все лавры достаются В. фон Гумбольдту и/или Э. Сепиру. Заслуга последних вне всяких сомнений велика. В. фон Гумбольдт стал «законодателем мод»; Э. Сепир предложил новый подход к типологической классификации, который многие считают наиболее прогрессивным. Однако если подходить к вопросу с позиции классической

(традиционной) типологии, то выясняется, что наиболее удачной является классификация, состоящая из пяти типов. Именно ее и предложил Ф. Ф. Фортунатов задолго до того, как к такому же выводу пришли современные ученые.

В работе В. М. Алпатова, датированной 2005 годом, читаем: «Он [Фортунатов], как и Ф. де Соссюр, мало публиковался и выражал свои научные взгляды прежде всего в лекционных курсах для студентов, которые лишь размножались (литографировались) для студенческих нужд. Уже в советское время часть этих курсов вошла в двухтомник избранных трудов Ф. Ф. Фортунатова, а многие из них до сих пор не изданы. В частности, до сих пор ждут публикации его лекции по типологии; он был одним из очень немногих ученых того времени, не отказавшихся от рассмотрения типологической проблематики» [2005, с. 103]. На 2023 год ситуация с публикацией лекций Фортунатова по типологии не сдвинулась в лучшую сторону. Такое пренебрежение к научному наследию одного из самых известных российских лингвистов XIX в. не поддается объяснению.

В России любят вспоминать о том, что именно А. С. Попов (а вовсе не Г. Маркони) является изобретателем радио, что именно А. Ф. Можайский (а вовсе не братья Райт) – изобретателем самолета, что именно А. Н. Лодыгин (а вовсе не Т. Эдисон) – изобретателем лампы накаливания. Мы не беремся судить о том, насколько справедливо либо несправедливо было отдано первенство в вышеупомянутых случаях, но Ф. Ф. Фортунатов совершенно определенно оказался незаслуженно забыт даже отечественными историками лингвистики как первый человек, разработавший наиболее удачную морфологическую классификацию языков мира. Можно спорить о применяемой им терминологии, но сути это не меняет: он был первым, кто выделил и обосновал необходимость различения пяти типов языков мира с точки зрения морфологических отношений между частями слов и словосочетаний.

Именно по этой причине в заглавии мы вынесли тезис о том, что Ф. Ф. Фортунатов – тот ученый, труды которого не получили должной оценки. Как минимум в российской научной литературе все работы по типологии начинались бы ссылками на его идеи, если бы это открытие ученого было должным образом оценено научным сообществом.

В современной типологии присутствует глубокое заблуждение о том, что предложенная В. фон Гумбольдтом классификация является полноценной. Нам же представляется, что громкое имя не должно становиться знаком качества. Всем свойственно заблуждаться. Ревизии подвергся и ряд других положений В. фон Гумбольдта: в частности, были серьезно пересмотрены его утверждения о полной самостоятельности языка по отношению к духу и о божественном происхождении языка. Мы полагаем разумным пересмотреть и оценку морфологической классификации языков мира.

Список литературы

- Алпатов В. М.** История лингвистических учений. М.: Языки славянских культур, 2005. 368 с.
- Богданова Л. И.** Актантная грамматика и проблемы обучения русскому языку // Вторые Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов национальной (с международным участием) научной конференции (3–4 июня 2021 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2022. С. 84–86.
- Вендина Т. И.** Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2001. 288 с.
- Герbart И. Ф.** Психология. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. Пер. с нем. 288 с.
- Гируцкий А. А.** Введение в языкознание. Минск: «ТетраСистемс», 2003. 288 с.
- Ляпунов Б. М.** Из семасиологических этюдов в области русского языка: «досуг» и пр. // ИАН ОЛЯ. 1946. Т. V, вып. 1. С. 63–68.
- Немченко В. Н.** Введение в языкознание. М.: Дрофа, 2008. 704 с.
- Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.

- Поржезинский В. К.** Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков: Пособие к лекциям проф. В. Поржезинского. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1912. 83 с.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2006. 536 с.
- Скаличка В.** К вопросу о типологии // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 22–30.
- Скаличка В.** Типология и сопоставительная лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Под ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1989. С. 27–31.
- Томсон А. И.** К синтаксису и семасиологии русского языка. Одесса: Экон. тип., 1903. 84 с.
- Ушаков Д. Н.** Краткое введение в науку о языке. М. – Петроград: Гос. изд-во, 1923. 144 с.
- Фортунатов Ф. Ф.** Избранные труды. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 452 с.
- Фортунатов Ф. Ф.** Избранные труды. Т. 2. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 472 с.
- Чарыкова О. Н., Стернин И. А.** (ред.). Введение в языкознание. Воронеж: «Истоки», 2016. 142 с.
- Шайкевич А. Я.** Введение в лингвистику. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 400 с.
- Шахматов А. А.** Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
- Шахматов А. А.** Филипп Федорович Фортунатов. Некролог // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. 1914. № 8:14. С. 967–976.
- Щерба Л. В.** Ф. Ф. Фортунатов в истории науки о языке // Вопросы языкознания. 1963. № 5. С. 89–93.
- Fici F.** La ‘forme du mot’ dans la pensée linguistique russe. *Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage*, 2022, vol. 25. Pp. 235–248.
- Herbart J. F.** Psychologische Untersuchungen. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1839. 286 S.
- Humboldt W von.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Die Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 534 S.
- Steinthal H.** Philologie, Geschichte Und Psychologie In Ihren Gegenseitigen Beziehungen. Berlin: Dümmler, 1864. 76 S.
- Urbanavičienė J.** Accentuation of Nominal Words in the Vilnius Speech: de Saussure and Fortunatov’s synchronic law. *Taikomoji kalbotyra*, 2014, vol. 6. Pp. 1–32.

References

- Alpatov, V. M.** History of linguistic studies. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2005. 368 p. (in Russ.)
- Bogdanova, L. I.** Actantial grammar and aspects of teaching Russian. In: *Vtorye Fortunatovskie chtenija v Karelii; sbornik dokladov natsionalnoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferentsii (3–4 ijunja 2021 goda, g. Petrozavodsk)*. Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU, 2022, pp. 84–86. (in Russ.)
- Charykova, O. N., Sternin, I. A.** (eds.). Introduction to linguistics. Voronezh: “Istoki”, 2016. 142 p. (in Russ.)
- Fici, F.** La ‘forme du mot’ dans la pensée linguistique russe. *Cahiers Du Centre De Linguistique Et Des Sciences Du Langage*, 2022, vol. 25, pp. 235–248.
- Fortunatov, F. F.** Selectas. V. 1. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1956, 452 p. (in Russ.)
- Fortunatov, F. F.** Selectas. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1957, 472 p. (in Russ.)

- Gerbart, I. F.** Psychology. Moscow: Publishing house “Territorija budushhego”, 2007. 288 p. (Transl. from Germ. into Russ.)
- Girutskii, A. A.** Introduction to linguistics. Minsk: “TetraSistems”, 2003. 288 p. (in Russ.)
- Herbart, J. F.** Psychologische Untersuchungen. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1839. 286 S.
- Ljapunov, B. M.** From semasiological studies in the Russian language: “leisure”, etc. *Izvestija Akademii Nauk. Otdelenie Literatury i Jazyka*, 1946, vol. V, no. 1, pp. 63–68. (in Russ.)
- Nemchenko, V. N.** Introduction to linguistics. Moscow: Drofa, 2008. 704 p. (in Russ.)
- Peshkovskii, A. M.** Russian syntax in scientific interpretation. Moscow: Uchpedgiz, 1938. 452 p. (in Russ.)
- Porzhezinskii, V. K.** Digest of comparative phonetics of Old Indian, Greek, Latin and Old Slavic: Manual for Prof. V. Porzhezinskij’s lectures. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Co, 1912. 83 p. (in Russ.)
- Reformatskii, A. A.** Introduction to linguistics. Moscow: Aspect Press, 2006. 536 p.
- Shahmatov, A. A.** Digest of modern Russian literary language. Moscow: Uchpedgiz, 1941. 288 p. (in Russ.)
- Shahmatov, A. A.** Filipp Fedorovich Fortunatov. In memoriam. *Izvestija Imperatorskoj Akademii Nauk. Series VI*, 1914, vol. 8(14), pp. 967–976. (in Russ.)
- Shajkevich, A. Ja.** Introduction to linguistics. Moscow: Izdatel’skij centr “Akademija”, 2005. 400 p. (in Russ.)
- Shherba, L. V. F. F.** Fortunatov in the history of language science. *Voprosy jazykoznanija*, 1963, vol. 5, pp. 89–93. (in Russ.)
- Skalička, V.** On the issue of typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 1966, vol. 4, pp. 22–30. (in Russ.)
- Skalička, V.** Typology and comparative linguistics. In: *Novelties in Foreign Linguistics, Issue XXV. Contrastive linguistics: Translations*. Ed. V. G. Gak. Moscow: Progress, 1989. P. 27–31. (in Russ.)
- Steinthal, H.** Philologie, Geschichte Und Psychologie In Ihren Gegenseitigen Beziehungen. Berlin: Dümmler, 1864. 76 S.
- Tomson, A. I.** On syntax and semasiology of Russian. Odessa: Econ. tip., 1903. 84 p. (in Russ.)
- Urbanavičienė, J.** Accentuation of Nominal Words in the Vilnius Speech: de Saussure and Fortunatov’s synchronic law. *Taikomoji kalbotyra*, 2014, vol. 6, pp. 1–32. (in Lith.)
- Ushakov, D. N.** Brief introduction into the science of language. Moscow – Petrograd: Gos. izd-vo, 1923. 144 p. (in Russ.)
- Vendina, T. I.** Introduction to linguistics. Moscow: Vysshaja shkola, 2001. 288 p. (in Russ.)
- von Humboldt, W.** Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Die Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 1836. 534 S.

Информация об авторе

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

Information about the Author

Alexei D. Palkin, Doctor of Philology, professor of the English Language Stylistics Chair, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Статья поступила в редакцию 29.09.2022;
одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 16.01.2023

The article was submitted 29.09.2022;
approved after reviewing 09.01.2023; accepted for publication 16.01.2023